

УДК 943.085.2

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭРНСТА ЮНГЕРА.

В статье осуществлен анализ идеологических представлений консервативной революции на примере творчества Эрнста Юнгера. Рассматривается проблема политического и идеологического взаимодействия консервативных революционеров и немецких коммунистов в области противодействия политическим принципам Веймарской республики. Исследуются особенности понимания сущности политических трансформаций, предполагаемых данными политическими течениями, определяются общие черты, предполагающие возможность политического взаимодействия. Доказывается иллюзорность политического взаимодействия между консервативной революцией и немецким коммунизмом в годы Веймарской республики. Изучается гибкость политических подходов консервативной революции в стремлении оказать влияние на германское население.

Ключевые слова: консервативная революция, Э. Юнгер, коммунизм, Коминтерн, Веймарская республика, тотальная мобилизация, национализм, третий рейх.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-9-14

Европа по окончании Первой мировой войны представляла собой поле политических трансформаций и экспериментов. Замена монархических авторитарных режимов на демократические и радикальные политические формы сопровождалась как кровопролитной гражданской войной, полыхавшей на пространстве бывшей Российской империи, так и политической гражданской войной, проходившей в форме военно-политических столкновений, более характерной для бывшей Германской империи [3. 60]. Стабильное общество превратилось в раздражаемое политическими столкновениями общество конфликта. В Веймарской республике Германии выработывался проект альтернативной политической модели, предложенный немецкими правыми в виде ожидавшегося возрождения третьего рейха, и немецкими левыми, в образе разрастающейся коммунистической мировой революции.

Консервативная революция предлагала правый ответ на утвердившуюся демократическую республику, предполагавший установление авторитарной системы власти, отличной от кайзеровской системы [1; 2]. Отличительной чертой было то, что «консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера [4. 5]. В сложных реалиях послевоенной Германии консервативно-националистические силы вступали

в политические отношения с леворадикальными группами в целях обсуждения возможности политического объединения против веймарской политической системы и социал-демократов. Политические контакты первой половины 1920-х годов определялись единством политического врага и не имели реального политического союза в силу непересекающихся политических целей. Можно предположить, что интерес к левым среди немецких правых определялся политическим успехом большевизма в России, захватившего политическую власть и сумевшего ее удержать. В большевизме их прельщало стремление к решительному изменению общественного строя, революционная ломка отношений и традиционного уклада жизни, желание создать совершенно иное общество, не имевшее аналога не только в российской, но и в мировой истории. Немецкие консервативные революционеры старались увидеть в большевизме только то, что им хотелось, совершенно не вникая в суть данного политического движения и содержание проводимой им политики. Репрессивный характер советско-большевистской модели совершенно ими не учитывался. Создается впечатление, что консервативная революция создавала свое представление о советской России исключительно по пропагандистским клише, созданной самой системой для представления себя мировому сообществу.

Во второй половине 1920-х годов среди представителей консервативной революции выделялась деятельность людей, которые пытались создать консервативный проект, объединивший в себе националистический и социалистический компонент. Речь не шла об искусственном симбиозе идей. Скорее здесь можно увидеть поиск нового пути развития националистического движения в Германии, осуществляемого в контекст существующей рапальской политике республики. Таким образом, национал-большевистское движение, объединяемое вокруг круга Юнгера и круга Никиша, предложило объединение национализма и социализма при доминировании националистической парадигмы. Сущность национал-большевистской концепции и политическое окружение обстоятельно рассмотрено в работах О.-Ф. Шюддекопфа, Ф. Каберманна, М. Хитала, Л. Дюпе и Б. Рёч-Лангеюрген[15; 13; 6; 5; 14]. Взаимосвязь представлений Э. Юнгера и Э. Никиша, активно сотрудничавших друг с другом, указывает на взаимовлияние идей восточной ориентации, однако при всей личной и политической близости, нюансировка политических концепций позволяет отметить и особенности представлений.

Политические симпатии Э. Юнгера к большевизму определялись наличием единого политического противника, против которого боролись оба политических течения - демократической системы. Его восхищала динамичность коммунистического движения, в котором он видел союзника в политическом противостоянии республике, о чем писал уже в 1925 г., указывая, что "коммунизм как боевое движение нам ближе, чем демократия". Эта близость основывалась на готовности к совершению решительных действий, способных изменить общественный порядок. Занимая позицию немецкого националиста. Э. Юнгер был склонен рассматривать русский большевизм как социалистическое национальное явление, отражающее русскую природу. В этой связи следует указать на то, что в его представлении большевизм переставал быть универсальным политическим движением и понимался как региональное явление. Таким образом, национальная черта позволяла провести разграничительную черту между русским

и немецким коммунизмом, которая определялась тем, что последнему недоставало понимания своей национальной природы. "Русский коммунизм имеет национальный характер. Для него интернационализм служит только поводом к возможности экспансии. Если бы нашим коммунистам хватило уверенности объявить центром такого наполеоновского интернационала вместо Москвы Берлин, то они бы существенно увеличили свои силы"[11, с. 59-60].

Сравнивая политическую тактику русских и немецких коммунистов, Э. Юнгер отмечал отсутствие у немцев революционности и решительности русских коммунистов. Следует отметить, что для консервативных революционеров готовность к решительным поступкам была отличительной чертой нового консерватизма от кайзеровского консерватизма, а для Э. Юнгера готовность к совершению решительных действий, деятельность как таковая выступали характерными чертами военного поколения, отличавшими его от буржуазных современников[8. 100]. "Германский коммунист это не русский. У того была идея и воплощал он ее любой ценой. Он сражался внутри. И он сражался на границах. Он делал историю. А у нас состязались в речах. В России ради целей, которые, конечно, можно принимать или не принимать, вырезали целые слои населения, а войска под руководством царских офицеров вторгались в Польшу. У нас же в метаниях между речами в стиле кофеен и бездуховных поступков обнаружилась внутренняя слабость. Не хватало расы, мучеников, драматического развития, той убедительной логики, которая есть в безжалостной поступи великой идеи, короче не хватало революции"[11. 59]. Наличие буржуазности, желание немецких коммунистов действовать в рамках существующих правил парламентской деятельности буржуазного общества делало им заложниками политической системы. Стремление к решительному разрыву с существующей практикой политической деятельности должно было служить основанием выработки новой тактики действий. В этом бунтарстве Э. Юнгер видел мощный потенциал деятельности. Одновременно с этим немецким коммунистам следовало придти к пониманию важности полити-

ческой идеи, способной стать средством политической идентификации. Здесь находится принципиальная черта, которая разделяла консервативного революционера Э. Юнгера и немецких коммунистов КПП, состоящая в националистической детерминанте. Национализм консерваторов допускал политическое взаимодействие с коммунистическими силами при условии следования ими линии образования национального немецкого государства, отрицающего веймарскую политическую систему и стремящегося к отмене ограничительных статей Версальского мирного договора. Любое иностранное вмешательство в решение немецких проблем полностью исключалось, что в условиях полной определенности коммунистического курса стратегией Коминтерна превращало КПП в троянского коня Москвы.

Наравне с политической тактикой, проводимой консервативной революцией и коммунистическим движением в Германии, существовали и мировоззренческие противоречия, которые, в силу своего фундаментального характера, требовали разделения двух сил. «Основополагающее различие между марксизмом и национализмом состоит в том, что первый считает решающим фактором общность духа, а второй – общность крови. Поэтому нация, само существование которой марксизм отрицает, имеет для национализма высшее метафизическое значение, определяющее все остальные ценности. Также ценности труда, в которых нас интересуют в первую очередь не заработная плата и прибыль, две основы морального мира классово-вой борьбы, а исключительно его значение для нации как превосходящего целого, которое важнее суммы своих частей. Экономика для него не механический результат, а органический элемент национальной жизни. Труд – это выражение национальной жизни, а рабочий – один из ее членов, и любая попытка вырвать его из этих живых связей, подводя его под пустые категории “человечества” или интернационалистического общества интересуют – высшая измена интеллекта по отношению к крови”[12. 332-333].

В своей критике коммунистической стратегии Э. Юнгер не видел принципиального отличия в коммунистической организации довоенного и послевоенного порядка.

Его подход носил буржуазный характер в том смысле, что он понимал коммунистическую организацию как структуру, которая руководствуется политическим и социальными ценностями, применимыми в различных государствах, но действующей в конкретном германском государстве и в отношении немецкого народа. Поэтому наличие организационного координирующего органа в лице коммунистического Интернационала не играло решающей роли. Э. Юнгер не видел принципиального отличия в механизме управления и координации деятельности между Интернационалом и Коминтерном. Директивный характер деятельности Коминтерна, вмешательство во внутривнутриполитические и партийно-политические дела государств в целях реализации стратегии мировой революции или выполнения директивных распоряжений сталинского руководства, превращали международную коммунистическую организацию в средство реализации сталинской внешней политики и вмешательства советского государства во внутренние дела Германии. Пагубность данной стратегии продемонстрировала внутрисоциалистическая гражданская война между КПП и СДПГ, внесшая свой вклад в ослабление республиканских основ германской демократии.

Во второй половине 1920-х годов Э. Юнгер считал возможным образование широкого фронта против республики, основанного на националистических позициях. Национализм должен был служить базовым компонентом эпохи, при этом он отмечал его отличие от традиционного кайзеровского монархического национализма, который предполагал трансляцию немецких ценностей и территориальную экспансию. Новый национализм предполагал возрождение германского государства через отвержение принципов демократического миропорядка, возрождения национального чувства и национального порядка. “Новый национализм – это центральное движение нашего времени, к которому должна примкнуть любая организация, если она хочет действительно примкнуть к жизненным силам эпохи”[7. 285]. Э. Юнгер считал, что через реализацию националистических целей возможна единственная конструктивная трансформация мира ра-

бочих, в котором были бы достижимы как социальные требования рабочих, так и государственные цели. “Меньше удобства, меньше членов, больше активности!<...> Надо привлекать рабочих!<...> Мы не тюремщики рабочих. Будем расширять и централизовывать националистические профсоюзы, к их руководству должны прийти рабочие националистической чеканки. На националистических баррикадах они добьются большего, чем марксизм за все пятьдесят лет”[9. 211-212]. Он полагал, что превращение национализма в базовый компонент немецкого коммунизма послужит основанием для политического объединения немецких правых и немецких левых. В этой позиции четко прослеживается надежда, похожая на иллюзию, которая была далека от реальности. Объединение национальных и интернационально/ненациональных сил было невозможно. Коминтерновская тактика сталинского руководства была направлена на утверждение влияния советской политической системы, расширении влияния и политического присутствия большевистской сталинской модели, что было невозможно сочетать с национальными целями

консервативной революции. Консервативная революция “стремится к созданию национального, социального, вооруженного и авторитарного государства для всех немцев”[10. 504]. Это государство должно опираться на четыре принципа: “национализм в чистом виде, социализм, обороноспособность и авторитарная структура”[7. 287]. Консервативный проект Э. Юнгера не учитывал политическую тактику немецкого коммунизма и его стремление к достижению единоличной тоталитарной власти, опирающейся на подавление политических противников, уничтожении политических врагов, проведение широкомасштабной системы социального террора направленного против широких слоев населения, ликвидацию свобод человека и нивелировка его до роли биологического организма, выполнявшего социальную функцию. Консервативная модель и коммунистический проект установления коммунистического государства объединялись лишь в аспекте противодействия Веймарской республики, но расходились во всем остальном, представляя собой два автономных пути трансформации германского государства.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. – СПб.: Владимир Даль, 2018. – 415 с.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции «консервативной революции». – Брянск, БГУ 2011. – 312 с.
3. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм/ Пер. с нем. – М.: Логос, 2003. – 528 с.
4. Терехов О. Э. Феномен “консервативной революции” в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы исследования. – Кемерово: ООО «Офсет», 2011. – 192 с.
5. Dupeux L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919-1933. – München: Beck, 1985. – 584 s.
6. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920-1933. – Helsinki, 1975.
7. Jünger E. Der neue Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S.285-291.
8. Jünger E. Die Materialschlacht // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S. 95-100.
9. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.213-216.
10. Jünger E. “Nationalismus” und Nationalismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.501-509.
11. Jünger E. Revolution und Frontsoldatentum// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta,

2001. – S.57-63

12. Jünger E. Unsere Kampfstellung// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.329-330.

13. Kabermann F. Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. – Köln: Ort Verlag, 1973. – 420 s.

14. Rättsch-Langejürgen B. Das Prinzip Widerstand: Leben und Wirken von Ernst Niekisch. – Bonn: Bouvier, 1997. – 392 s.

15. Schüddekopf O.-E. Nationalbolschewismus in Deutschland, 1918-1933. – Frankfurt am M.; Berlin, Wien: Beck, 1973. – 529s.

CONSERVATIVE REVOLUTION AND COMMUNIST STRATEGY IN THE PRESENTATION OF ERNST JÜNGER

The article analyzes the ideological ideas of the conservative revolution on the example of the works of Ernst Jünger. The problem of political and ideological interaction of conservative revolutionaries and German communists in the field of countering the political principles of the Weimar Republic is considered. The author studies the features of understanding the essence of political transformations assumed by these political trends, identifies common features suggesting the possibility of political interaction. The illusory political interaction between the conservative revolution and German communism in the years of the Weimar Republic is proved. The flexibility of the political approaches of the conservative revolution in an effort to influence the German population is being studied.

Keywords: conservative revolution, E. Jünger, communism, Comintern, Weimar Republic, total mobilization, nationalism, third reich.

References

1. Artamoshin S.V. Konservativnaya revolyuciya v intellektual'nom prostranstve Vejmarskoj respubliki.[Conservative revolution in the intellectual space of the Weimar Republic] – SPb.: Vladimir Dal', 2018. – 415 s.

2. Artamoshin S.V. Ponyatiya i pozicii «konservativnoj revolyucii»[Concepts and positions of the "conservative revolution"] – Bryansk: BGU ,2011. – 312 s.

3. Nol'te EH. Evropejskaya grazhdanskaya vojna (1917-1945). Nacional-socializm i bol'shevizm[European Civil War (1917-1945). National Socialism and Bolshevism]/ Per. s nem. – M.: Logos, 2003. – 528 s.

4. Terekhov O. EH. Fenomen “konservativnoj revolyucii” v Vejmarskoj respublike v istoriografii FRG: osnovnye koncepcii i problemy issledovaniya. [The phenomenon of “conservative revolution” in the Weimar Republic in the historiography of the Federal Republic of Germany: the basic concepts and problems of research] - Kemerovo: OOO «Ofset», 2011. – 192 s.

5. Dupeux L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919-1933. – München: Beck, 1985. – 584 s.

6. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn.1920-1933. – Helsinki, 1975.

7. Jünger E. Der neue Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S.285-291.

8. Jünger E. Die Materialschlacht // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta 2001. – S. 95-100.

9. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.213-216.

10. Jünger E. “Nationalismus” und Nationalismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.501-509.

11. Jünger E. Revolution und Frontsoldatentum// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.57-63

12. Jünger E. Unsere Kampfstellung// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – S.329-330.

13. Kabermann F. Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. – Köln: Ort Verlag, 1973. – 420 s.

14. Rättsch-Langejürgen B. Das Prinzip Widerstand: Leben und Wirken von Ernst Niekisch. – Bonn: Bouvier, 1997. – 392 s.

15. Schüddekopf O.-E. Nationalbolschewismus in Deutschland, 1918-1933. – Frankfurt am M.; Berlin, Wien: Beck, 1973. – 529s.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: artamoshinsv@mail.ru